

Раскина Е. Ю.

Устиновская А. А.

(Российская Федерация)

Н. С. ГУМИЛЁВ – ПЕРЕВОДЧИК И ПОПУЛЯРИЗАТОР «ОЗЕРНОЙ ШКОЛЫ» АНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

В статье анализируется влияние, оказанное на творчество Н. С. Гумилева Озерной школой английского романтизма. Выявлено, что великий поэт Серебряного века Н. С. Гумилёв своеобразно интерпретировал многие образы, символы и мотивы поэтического творчества лейкистов («озерников») в своих стихотворениях, прозе и драматургии. Выявлено также, что лейкистские мотивы в творчестве Н. С. Гумилёва тесно связаны с увлеченностью поэта друидизмом древних кельтских племен и «неодруидизмом» современника «отца акмеизма» У. Б. Йейтса.

Ключевые слова: Озерная школа английской поэзии, акмеизм, художественный перевод, неодруидизм, ирландское возрождение, кельтские мотивы.

Постановка проблемы. Н. С. Гумилёв был не только активным пропагандистом творчества поэтов «озерной школы» в России, но и прекрасным переводчиком поэзии лейкистов. Так, в частности, в 1919 г., во время сотрудничества в издательстве «Всемирная литература», он перевел «Поэму о старом моряке» С. Т. Кольриджа, написал предисловие к сборнику баллад Р. Саути, увидевшему свет в 1922 г., уже после расстрела поэта. Поэты «озерной школы» – У. Вордсворт, С. Т. Кольридж и Р. Саути – составляли в 1918-21 гг. предмет занятий Гумилёва как переводчика и критика. Наконец, Гумилёвым совместно с Н. А. Энгельгардтом были выполнены переводы нескольких стихотворений Уильяма Вордсворта.

Цель – рассмотреть вопрос активной пропаганды Н. С. Гумилёвым творчества поэтов «озерной школы» в России и его переводов поэзии лейкистов.

Изложение основного материала. Вероятно, Гумилёв планировал объединить усилия близких ему поэтов, участников Второго цеха, для пропаганды творчества лейкистов в России. Обостренное внимание к поэзии «озерников» стало своего рода цеховой задачей, и эта задача выполнялась не только Георгием Ивановым и Ириной Одоевцевой, но и, например, литераторами и переводчиками, имевшими лишь косвенное отношение к Гумилёвскому Второму Цеху поэтов. В частности, активно переводил поэзию

У. Вордсворта на русский язык тесть поэта, отец Анны Энгельгардт (Гумилёвой) Н. А. Энгельгардт.

Так, Н. А. Энгельгардт собирался подготовить к печати первое полное собрание сочинений Вордсворта на русском языке. Характерное для Н. С. Гумилёва восприятие У. Вордсворта как «британского друида» отражено в одном из сохранившихся экспромтов поэта. Экспромт был посвящен Н. А. Энгельгардту.

Вот, что пишет об этом Н. А. Энгельгардт: «Например, великолепное золотообрезное, в мягком переплете Oxford edition: «Thepoetical works of William Wordsworth». 1916 г. На этом экземпляре Николай Степанович написал мне шесть стихов, содержание которых связано с нашими беседами о пошлости выходов Байрона против «озерной школы».

Николаю Александровичу Энгельгардту

Чтобы загладить древнюю обиду,

Слепого Байрона змеинный яд,

Друид британский русскому друиду

Сегодня вверил свой заветный клад.

Да будет имя Уордсворда штандартом,

Внесенным Николаем Энгельгардтом»

[6, с. 385].

Уильям Вордсворт создал авторский поэтический миф, связанный с друидизмом. В стихотворении Вордсворта «Скала Джоанны» викарий упрекает лирического героя, уподобляющего себя друидам («И, как Друид, руническим письмом /

Я высек чье-то имя на отвесной / Скале над Ротой,
у опушки леса» [11, с. 238]) в возрождении идо-
лопоклонства («Он (викарий – Е. Р.) принялся
выпытывать зачем / Я возрождаю идолопоклон-
ство. . . » [11, с. 238]), но в итоге герой и викарий
оказываются добрыми друзьями. Вордсворт, счита-
вший природу нравственной, был не чужд идее
соединения христианства и друидизма и видел в
«языке врожденных чувств» якорь «чистейших
мыслей» и «пристань сердца».

Как уже говорилось выше, под влиянием
Гумилёва поэзию «озерников» стали переводить
близкие к «отцу акмеизма» поэты. Так, Георгий
Иванов осуществил перевод «Кристаллы» Коль-
риджа, а Ирина Одоевцева писала стилизованные
под творчество поэтов Озерной школы баллады
поэмы (к числу таковых можно отнести, напри-
мер, «Поэму Луны» («Луна»)).

Ирина Одоевцева признавалась в том, что ее
«Поэма Луны» написана под влиянием поэмы
С.-Т. Кольриджа «Кристаллы» в переводе Геор-
гия Иванова, опубликованной отдельным изда-
нием в 1923 г. «Кристаллы» – это незавершенная
поэма, созданная Кольридом в 1798–1799 гг.,
но опубликованная только в 1816 г. Это произве-
дение оказало огромное влияние на художествен-
ный мир поэзии английского романтизма.

Как подтверждала Ирина Одоевцева, выпол-
ненный Георгием Ивановым перевод «Кристал-
лы» повлиял на ее литературную судьбу. Ирина
Владимировна прочитала этот перевод в 1920 г.,
в рукописи, и, находясь под сильнейшим впечатле-
нием от него, написала «Поэму Луны» (в первом
ее сборнике «Двор Чудес» поэма напечатана под
названием «Луна»). По рекомендации М. Горь-
кого «Поэма Луны» была опубликована в петро-
градском сборнике «Дом искусств» (1921, № 2)
и стала первой публикацией Одоевцевой.

«Кристаллы» и «Поэма Луны» обнаружи-
вают даже сюжетное сходство: главная героиня
поэмы Кольриджа, чистая и благородная девушка,
дочь старого лорда Леолайна, встречается в лесу
странную особу, называющую себя Джеральди-
ной, дочерью сэра Роланда де Во из Трайермен.
Кристаллы приводит Джеральдину в свой дом,
но у ее неожиданной гостии демоническая, а не
ангельская природа: Джеральдина оказывается
ламией, вампиром. В поэме демоническая сущ-
ность Джеральдины описана так:

«И глаза Джеральдины сузились вдруг;
Сузились вдруг до змеиных глаз,
В них блеснуло злорадство, блеснул испуг,
Искося бросила взгляд она,

Это длилось только единый миг,
Но смертельным ужасом вдруг сражена,
Кристаллы глухой испустила крик,
Зашаталась земля под ее ногой,
А леди к ней повернулась спиной» [1, с. 66].

Джеральдина пришла в дом сэра Леолайна,
чтобы принести погибель ему и его дочери
Кристаллы. Об этом догадывается только бард
Бреси, который видит вещий сон: прекрасную
Кристаллы в образе голубки и обвившуюся
вокруг крыльев и шеи голубки блестящую зеле-
ную змею.

Но сначала Джеральдина предстает перед Кри-
сталлы как прекрасная «дева луны»:

«Юная дева прелестна на вид
В белом шелковом платье сидит:
Платье блестит в лучах луны,
Ее шея и плечи обнажены,
От них ее платье еще бледней,
Она сидит на земле боса,
И дикие звезды цветных камней,
Блестят, запутаны в ее волоса» [1, с. 46].

В «Поэме Луны» Одоевцевой молодой граф
преследует вепря и попадает в таинственный лес,
где видит рысь, сидящую на сосне, и стреляет
в нее – рысь падает на землю. В то же мгновение
гаснет лунный свет, и в тишине раздается отчаян-
ный крик: «Луна! Луна умерла!». Но ночью графа
посещает видение: рысь (рыжая кошка, совсем
не злая) оборачивается прекрасной и печальной
девушкой, любовь к которой становится причи-
ной гибели молодого человека. Его убивает на
дуэли брат встреченной в лесу девушки – таин-
ственный черный рыцарь:

«Вдруг черный рыцарь крикнул: – Молись!
Сейчас твою душу примет ад! –
Звон стали, короткий стон,
И раненый граф на луг упал.
И луг под ним стал влажен и ал.
Склонились сосны со всех сторон...» [7, с. 75].
Первая встреча графа с таинственной и печаль-
ной девой описывается так:

«Кто-то тихо-тихо ступил на балкон
(Так бесшумно ступать может только зверь)
И к нему вошел сквозь закрытую дверь.
И видит он: дева пред ним стоит
Такой удивительной красоты,
Что сердце графа громко стучит,
Когда он спрашивает: – Кто ты?
Печально дева молчит в ответ,
А косы ее красны, как медь» [7, с. 61].

При этом лейтмотивом «Поэмы Луны» Ирины
Одоевцевой становятся слова о смерти луны – луна

умерла. Луна сначала обернулась рысью, а потом прекрасной и печальной девой:

«Луны нет на небе, хоть в тихий сад
Звезды огромные глядят.
И покорно с графом идет она,
Грустная дева из странного сна.
Он приводит ее на цветущий луг;
А на милом лице ее испуг,
А косы ее красны, как медь» [7, с. 71].

Налицо одна и та же сюжетная коллизия: встреча героя (или героини) в таинственном лесу с неким смертоносным существом. Так, Кристабель встречается ночью в лесу Джеральдину, а молодой граф – рысь, обернувшуюся девушкой. И та, и другая встреча становится причиной несчастья или смерти героя (героини).

Таинственный волшебный лес изображен в одноименном стихотворении Н. Гумилёва – кстати, навеянном общением поэта с его ученицей Ириной Одоевцевой:

«Может быть, тот лес – душа твоя,
Может быть, тот лес – любовь моя.
Или, может быть, когда умрем,
Мы в тот лес направимся вдвоем...» [4, с. 68].

Лес представлен и у Гумилёва, и у его ученицы Ирины Одоевцевой как некое зачарованное, двойственное по своей сути пространство, где происходят судьбоносные встречи, скрещиваются жизненные линии и где герои общаются с потусторонними существами.

В стихотворении Н. Гумилёва «Старые усадьбы» лес – это символ природы, диких, необузданных, стихийных сил:

«Порою льется в полдень по лесу
Неясный гул, невнятный крик.
И угадать нельзя по голосу,
То человек иль лесовик» [3, с. 55].

Лесные звуки описаны как неясные, невнятные, глухие. В этой невнятности, глухоте – разгул стихийных сил. Станный гул особенно слышен в лесу в полдень: время, которое в древнегреческой мифологии символизирует торжество природных сил. В полдень, согласно древнегреческим и славянским мифам, замирают леса и поля, а людей охватывает особенный, «панический» страх. Полдень – это время отдыха бога Пана, час его сна: этот отрезок суток считался священным в древней Элладе.

На священное значение полуденного часа указывается и в русской поэзии. Так, Ф. И. Тютчев писал в стихотворении «Полдень»:

«И всю природу, как туман,
Дремота жаркая объемлет,

И сам теперь великий Пан

В пещере нимф покойно дремлет» [12, с. 110].

Лесовик (леший), упоминаемый в процитированных выше строках стихотворения «Старые усадьбы» – это один из низших стихийных духов, живущих в лесной чащобе. Лесовик умеет являться в образе человека, дерева, медведя. Он любит кричать в лесу и пугать своим криком людей. В то же время лесовик охраняет зверей, живущих в лесу, деревья и травы. Роща, в которой поселился лесовик, у древних славян считалась священной. Такую рощу посвящали Святибору (Велесу) – богу лесов и пастбищ.

Возвращаясь к русскоязычным переводам поэзии лейкистов, выполненным русскими поэтами Серебряного века, следует сказать, что Георгий Иванов также перевел стихотворение Вордсворта «Жалоба Мэри, королевы шотландцев, в канун Нового года», написанное от лица романтической и трагически прекрасной Марии Стюарт. Если Гумилёв и близкие к нему поэты перевели «озерников», то поэты-символисты, напротив, часто обращались к творчеству Д. Г. Байрона (А. Блок, В. Брюсов) или Перси Биши Шелли (К. Бальмонт).

Обращение именно к творчеству «безбурных» и гармоничных «озерников», а не бурного, неспокойного, как море в шторм, Байрона, было тесно связано с Гумилёвским противопоставлением озера – морю и, как следствие, безбурных, аполлонических поэтов – художникам дионисийского типа. Старшим и младшим символистам были, напротив, ближе полные дионисийских страстей поэты, такие как Байрон или Шелли.

У. Вордсворт, как и другие поэты-«озерники», мечтал уподобить свой поэтический дар безмятежной озерной глади, чей покой и благодатность – залог творческой гармонии. О зеркальности как феномене ирландского народного сознания писал другой высоко ценимый Гумилёвым поэт – У. Б. Йейтс в «Кельтских сумерках». «Мы (ирландцы – Е. Р.), – утверждал отец ирландского поэтического возрождения, – умеем уподобить свое сознание неподвижной, зеркальной воде, и тогда вокруг нас собираются иные сущности, стремящиеся увидеть в нас свое отражение и, может быть, прожить какое-то мгновение более яркой, буйной жизнью на фоне нашего покоя» [5, с. 208].

Можно сказать также, что в случае Йейтса «зеркальность» как феномен поэтического сознания перекликалась с тайновидением и визионерством. Визионерство Йейтса, как и его симво-

листская репутация, позволили Гумилёву назвать поэта «английским Вячеславом». Впрочем, причиной подобной характеристики могла быть и архаичность писательской манеры Йейтса, торжественность и величавая старомодность его поэтического языка, ориентация на средневековую поэтическую традицию.

Английская исследовательница Аврил Пайман в своей «Истории русского символизма» (М.: Республика, 1998) видела ключ к поэтической системе Вячеслава Иванова в традиционной английской метрике, унаследованной Шелли и Байроном от староанглийской поэзии. Более того, Аврил Пайман даже сравнивала ивановское стихотворение «Мгла», написанное им в 1899 г. на берегах северного Корнуолла, с англосаксонским сказанием о короле, «который, наблюдая за воробьем, влетающим в освещенный зал через одно окно и вылетающим в ночь через другое, сравнивает этот полет с жизнью человека» [9, с. 180]. Подобные ассоциации возникали и у современников Вячеслава Иванова, в частности, у Гумилёва. Они и являются одной из причин того, что Гумилёв называл Йейтса «английским Вячеславом» (Вячеславом Ивановым).

Гумилёв писал, что «подлинное озеро, которому Кесвикское было только внешним отражением, они (озерники – Е. Р.) искали в глубине своего духа и, смотрясь в него, постигали связь между собой всего живого, близость миров видимого и невидимого, бесконечно радостную и действенную любовь» [2, с. 436]. Именно эта «бесконечно радостная и действенная любовь» воспевалась акмеистами в противовес «мировой скорби» символистов.

В интервью Гумилёва графу Карлу Бечхоферу Робертсу, корреспонденту английского журнала «Newage», поэт указывает на «очевидное стремление к чисто национальным поэтическим формам» [6, с. 305] как на одно из несомненных достоинств поэтики Йейтса, а также – Г. К. Честертон и А. Е. Йейтса «Такие английские поэты, – утверждал Гумилёв в этом интервью, – как Г. К. Честертон, Йейтс и А. Е. », например, пытаются возродить балладную форму и фольклор, поскольку именно в них нашла свое наивысшее выражение английская лирика» [6, с. 306].

Подобные попытки являются и заслугой высоко ценимой Гумилёвым «озерной школы» английской поэзии, а «стремление к чисто национальным поэтическим формам» было как никому присуще «озерникам» – Кольриджу, Вордсворту и Саути. Поэтому становится очевидным интерес

Гумилёва к тому направлению в британской поэзии, для которого был характерен интерес к национальным поэтическим формам и, в частности, к балладе. В России национальные поэтические формы воскрешали поэты «крестьянской купницы» во главе с Клюевым, с которыми у Гумилёва было много общего – от отношения к слову как к незыблемой твердыне, «алмазу непорочному», до уверенности в возрождении эпических форм поэзии [10, с. 45].

В 1889 г., в стихотворении «Песня счастливого пастуха» из книги «Перекрестки», Йейтс сформулировал идеи, необычайно близкие «отцу акмеизма». Так, в этом стихотворении читаем: «Надежны лишь одни слова», «Где грозные цари, скажи? / Их слава стала только словом», «А, может, и сама земля, / В звенящей пустоте вселенной – / Лишь слово, лишь внезапный крик, / Смутивший на короткий миг / Ее покой самозабвенный» [5, с. 300]. Как считает Григорий Кружков, Гумилёв планировал издать сборник Йейтса, состоящий из драматургии и лирики.

Вызывает особенный интерес Гумилёвский перевод «Поэмы о старом моряке» С. Т. Кольриджа, как и вообще обращение Гумилёва именно к этому произведению. В целом можно сказать, что и у «Кристабели» Кольриджа, и у «Поэмы о старом моряке» того же автора, и у «Поэмы Луны» Ирины Одоевцевой сходный сюжет – встреча человека с потусторонними силами, то угрожающими, то благосклонными. В предисловии к своему переводу «Поэмы о старом моряке» Гумилёв подчеркивал: «В морях, где байроновские герои развлекаются битвами и любовью прекрасных дикарок, он видит только духов, то грозящих, то прощающих. Но как мудро все в этой кажущейся простоте, какая глубина мысли в этом взгляде на человека, как на заблудившегося ребенка! Ведь каждый из нас хоть раз в жизни был одинок, как, может быть, «бывает только Бог», и каждый, прочтя эту поэму, почувствует, подобно свадебному гостю, что и он «углубленной и мудрей проснулся поутру» [2, с. 437].

Выводы. Взгляд на человека как на ребенка, заблудившегося на путях мироздания, был близок и самому Гумилёву, с его предельной увлеченностью темой Пути, духовных и физических странствий. В своих произведениях Гумилёв показывал не только правый путь человеческой души, но и «пропасти» и «бездны» духовного и физического порядка. В этом плане, рассказывая о творчестве Кольриджа, Гумилёв рассказывает и о самом себе. Более того, можно сказать, что С. Т. Кольридж, как

и другие поэты-озерники, были вечными духовными спутниками Н. С. Гумилёва, предметом его глубокого уважения и восхищения, и оказали огромное влияние на творчество Николая Степановича, как и на художественный мир Г. Иванова и И. Одоевцевой.

Список литературы:

1. Английская романтическая поэзия. М. : Олма Медиа Групп, 2014. 224 с.
2. Гумилёв Н. С. Золотое сердце России. Сочинения. Кишинев: Литература артистикэ, 1990. 734 с.
3. Гумилёв Н. Полное собрание сочинений в десяти томах. Т. 2. Стихотворения. Поэмы (1910–1913). М. : Воскресенье, 1998. 394 с.
4. Гумилёв Н. С. Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 4. Стихотворения. Поэмы (1918–1921). М. : Воскресенье, 2001. 464 с.
5. Йейтс У. Б. Роза и башня. СПб. : Симпозиум, 1999. 330 с.
6. Николай Гумилёв. Исследования и материалы. Библиография. СПб. : Наука, 1994. 679 с.
7. Одоевцева И. На берегах Невы. СПб. : Азбука-Классика, 2007. 448 с.
8. Одоевцева И. В. Стихотворения. М. : Эллис Лак, 2008. 320 с.
9. Пайман А. История русского символизма. М. : Республика, 1998. 550 с.
10. Раскина Е. Гумилёв, Есенин, Клюев (к проблеме рецепции новокрестьянской традиции культурой «серебряного века») // Сергей Есенин: Научные статьи и материалы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения поэта. Киев, 1996. С. 45.
11. Поэзия английского романтизма. М. : Художественная литература, 1975. 340 с.
12. Тютчев Ф. И. Стихотворения. Л. : Советский писатель, 1987. 200 с.

М. С. ГУМІЛЬОВ – ПЕРЕКЛАДАЧ І ПОПУЛЯРИЗАТОР «ОЗЕРНОЇ ШКОЛИ» АНГЛІЙСЬКОЇ ПОЕЗІЇ

У статті аналізується вплив, який вчинила на творчість М. С. Гумільова Озерній школою англійського романтизму. Виявлено, що великий поет Срібного століття М. С. Гумільов своєрідно інтерпретував багато образів, символи і мотиви поетичної творчості лейкістів («озерніков») в своїх віршах, прозі та драматургії. Виявлено також, що лейкістські мотиви у творчості М. С. Гумільова тісно пов'язані з захопленістю поета друїдизм древніх кельтських племен і «неодруїдизмом» сучасника «батька акмеїзму» У. Б. Єйтса.

Ключові слова: *Озерна школа англійської поезії, акмеїзм, художній переклад, неодруїдизм, ірландське відродження, кельтські мотиви.*

N. S. GUMILEV – INTERPRETER AND POPULARIZER OF THE "LAKE SCHOOL" OF ENGLISH POETRY

The article looks upon the impact that the Lake school of English romanticism produced on N. Gumilev's poetic work. It is brought to light that the great poet of the Silver Age in Russia N. Gumilyov interpreted many original poetic images in his own peculiar mode, as well as symbols and motives of poetic prose created by famous poets of the Lake school of English. It is also stated that the true spirit of the Lake school of English poetry in N. Gumilyov's works is closely connected with the poet's admiration for druidism ideology shared by ancient Celtic tribes and «neodruidizm» of modern «father of acmeism» U. B. Yeats.

Key words: *Lake school of English poetry, acmeism, literary translation, neodruidizm, Irish revival, Celtic ideas.*